

Артёмов
Мороз

Многие россияне, возможно, впервые познакомились с идеями феминизма в изложении одной из героинь телепередачи "Я сама" — писательницы Марии АРБАТОВОЙ. Сегодня с ней беседует корреспондент "Труда".

— Маша, из всех известных российской публике женщин — политиков, предпринимателей, писательниц, актрис — ни одну полноценную феминистку я лично припомнить не смогла. Похоже, вы чуть ли не первой так переделали себя. И какая же была реакция нашей демократической общественности?

— Сначала меня воспринимали как монстра. Российское феминистское движение, задушенное большевиками и подмененное женсоветами и Комитетом советских женщин, начало возвращаться в страну во время перестройки вместе с другими правовыми представлениями цивилизованного мира. Люди толком не понимали, что означает это слово. Впрочем, и исследовательницы, работающие на западных грандах и защитившие диссертации по феминизму, спрашивали: "Не боишься?" Вбитый за семьдесят лет страх сообщить о своих взглядах был сильнее здравого смысла. А еще меня предостерегали: "От тебя будут шархаться мужики".

— Ну и как? Шархались?
— Вот этого точно не было. Но в чем меня только не обвиняли. Писали, что феминизм — это мой эпатаж и способ стать популярной. Юнна Мориц выступила с гневным обличением в прессе, утверждая, что у меня мания величия и я вознамерилась пробиваться в президенты.

— Любопытно, однако: желанная стать президентом привираивается к клиническому синдрому... А как бы вы обустроили Россию, окажись вдруг главой государства?

— Мысль стать профессиональным политиком, а уж тем более политиком серьезного списка, меня никогда не посещала, я трезво осознаю, что не обладаю необходимой для этого работоспособностью. А в том, как обустроить Россию, большой загадки нет. Просто посадить профессионалов на место непрофессионалов — именно это Ельцин сейчас вроде бы и пытается делать.

— Ну хорошо, подойдем с другого края: каким хотят видеть общество феминистки?

— Феминистки хотят видеть людей защищенными от дискриминации по половому признаку. Общество пытается решать за людей все: если ты девочка, значит, должна быть тихой, уступчивой, хорошей хозяйкой, уступать инициативу мужчине. Если мальчик, должен пройти тест на агрессивность, идти в армию, стрелять в людей, содержать семью. Быть защитником и захватчиком. Неважно, с какими задатками ты родился, общество все время будет втискивать тебя в стандарт.

— А разве это не биологическое природное различие? Лев должен быть агрессивнее и сильнее, чтобы добыть пищу, отбить у соперников или хотя бы догнать самку. Правда, про львов я недавно узнала, что они-то как раз не охотятся — это обязанность львицы...

— В природе насилие и агрессивность существуют только в одном случае, когда один хочет съесть, растерзать другого, в этом смысле оно одинаково и у самцов, и у самок. А вот полового насилия в природе в принципе не существует. Самка достается тому, кого она выбрала сама, а не тому, кто сильнее. Биологическое различие между полами состоит только в том, что женщина может вынашивать, рожать и кормить ребенка. Все остальное — культура и воспитание.

— Ясно, что Наташа Ростова феминисткам вряд ли может нравиться.

— Не верю в литературные женские образы прошлого века. Советую вспомнить, что женщина тогда не могла голосовать, получать высшее образование и даже путешествовать одна, если она была молода и красива.

— Наташа Ростова — это мужская мифология?

ки добились права в нее не спускаться. Вопрос не в том, хорошо женщине в шахте или плохо, а в том, что совершеннолетняя женщина в состоянии сама это решить.

— Но наш менталитет известен, менять его трудно...

— Слава Богу, мы начали меняться на всех уровнях. После номенклатурных дам, попавших в политику

и девочки до восемнадцати лет, потом у всех нормальных людей появляются некоторые дополнительные интересы. А уж в среднем возрасте мужчина чаще думает о любви, а женщина — как семью на себе переташить через этот вот наш "переходный период".

— Я к тому, что выберут какую-нибудь феминистку в парламент,

есть собственная биография, она не должна заключаться в том, чтобы быть приложением к мужчине. И как можно с Арбата — в Муром? Для меня Москва — это все. Я фанат Москвы. За границей у меня через неделю депрессия.

— Но ездить-то приходится?
— Конечно. Езжу на собственные театральные премьеры, на конфе-

НАЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ БЫТЬ ПРИЛОЖЕНИЕМ К МУЖЧИНЕ

МАРИЯ АРБАТОВА

а она влюбится без памяти в председателя недружественной фракции. Проблема?

— Сомневаюсь, чтобы женщина, добравшаяся до парламента, так вот бросилась в любовный омут. Да там, извините, сегодня небогатый выбор. Ради кого бросаться?

— А вы, Маша, любовные неудачи как переживали? Они же были?

— Конечно. Много раз. Я не всегда была такая пронзительная и такая трезвая. Одно я делала в жизни правильно: если мужчина в другом месте нужнее, не просто "отдам", силой туда запихну.

— Позволяли ли вы когда-нибудь поднимать на себя руку?

— В детстве меня обижал старший брат... Зверски избили в новом классе специнтерната, там была такая практика опускания слишком благополучных... В семнадцать лет меня засунула в машину компания лиц "кавказской национальности"; еще через полгода их земляк сломал мне нос на Калининском проспекте... Поэтому я фанат создания кризисных центров. У нас ведь пострадавшей девочке не к кому обратиться за помощью. В милиции она ничего, кроме оскорблений, не получит, родители ей скажут: "Нечего краситься, нечего одеваться, подавать свои прелести", знакомые скажут: "Сама виновата". Если она не знает круглосуточного телефона какого-нибудь кризисного центра, ей просто некуда деться. По данным кризисного центра "Сестры", из десяти суицидных попыток после насилия среди несовершеннолетних девочек восемь происходит именно в ходе следствия, когда работники правоохранительных органов топчутся по их травмированной психике сапогами.

— А как вы в детстве представляли свою взрослую жизнь?

— В 12 лет я записала в дневнике план жизни. В 20 — университет, в 30 — аспирантура, замужество, дети, в 40 — кандидатская, в 50 — докторская. Вершина жизни: я — профессорша в очках, английский феминизм и с пучком — читаю лекции по философии.

— А слава, признание, аплодисменты?

— По природе я, скорее, просветительский персонаж, чем эстрадный. Жизнь изо всех сил волокла меня в нынешнее качество. Когда на днях издательство "Вагриус" заключило со мной договор на автобиографический роман в серии "Мой двадцатый век", я решила, что все сошло с ума... Для меня как для драматурга всегда самым неприятным было выходить на поклон после премьеры. Некоторые ради этого пьесы пишут. Когда я начала работать в передаче "Я сама", у меня был шок при виде себя на экране. Мне-то казалось, что я выгляжу моложе, красивее и умнее. А потом подумала, что раз есть возможность толкать феминистские речи на большую аудиторию, то хрен с ним, как я выгляжу.

Мой отец преподавал марксистскую философию в военных академиях, он умер, когда мне было десять лет. Когда в пятидесятом году его в двадцать четыре часа отправили преподавать в город Муром — после какой-то сталинской чистки кафедры философии МГУ, — мать бросила незащищенную диссертацию и отправилась за ним.

— Вы бы не поехали?
— Никогда в жизни. У человека

— В обществе, в котором женщина считается существом второго сорта, все общественно значимые роли разыгрываются мужчинами, и миф творится на всех уровнях.

— А феминизм не создает свою мифологию — о мужчинах?

— В каждом деле есть свое общество "Память", и в западных странах немало радикал-феминисток. Однако в целом феминизм не собирается менять патриархат на матриархат, он приветствует биархат — ситуацию, в которой мужчина и женщина будут равноценными партнерами. Основной документ, на который опирается феминизм, — "Декларация прав человека". А ее выполнение возможно, если и в парламенте — паритет. Я большая поклонница Швеции. Там в парламенте 40% женщин, а у нас — 10.

— И что же, шведы, шведки счастливее нас? Феминизация делает нас лучше?

— Уверена. Мировой опыт свидетельствует о том, что политика гуманизируется, как только в нее приходят женщины. К стати, у нас в стране мужчины живут на 12 лет меньше женщин, а в Швеции — на шесть, но не меньше, конечно, наших женщин.

— У нас есть своя история женского движения, свои известные фигуры в нем: Стасова, Арманд, Коллонтай, например...

— Коллонтай хотя была и важной писательницей, но долгие годы сформулировала общие принципы российского феминизма. Наше женское движение отличается от западного. Их феминизм вырос из борьбы за право голосовать, делать аборт и иметь равные трудовые права. В год, когда американские феминистки добились права спускаться в шахту, русские феминист-

не по принципу профессиональной пригодности, а по половому признаку, пришли женщины нового времени. Этот список открылся Старовойтовой. Появилась Хакамада, и это было маленьким потрясением. Люди впервые в российском парламенте увидели элегантную, стильную, умную и сексуальную женщину. До нее были только асексуальные тетки в синих пиджаках. Сегодня пришли дамы следующего этапа, великолепные профессионалы и прелестные женщины: Оксана Дмитриева, Татьяна Ярыгина, Елена Мизулина. Появились такие заместительницы министров, как Людмила Завадская, Эльвира Набиуллина. Напомню, что Оксана Дмитриева и Ирина Хакамада родили, так сказать, между заседаниями в парламенте.

— Это "наверху". А можно ли говорить, что какие-то феминистские процессы происходят и на других уровнях общества?

— Безусловно. По статистике, сегодня средний доход, попросу не путать доход с зарплатой, российской женщины — 1,5 миллиона рублей, а мужчины — 1 миллион. Очередной миф — что у безработицы "женское лицо". Это лицо получается, когда берут цифры вставших на учет на бирже труда. Мужики туда, видите ли, идти стыдно. Ему психологически легче на диване лежать, водку дуть, правительству материть. А женщина побегит, на бирже пособие получит да еще на трех работах будет крутиться.

— Женщина — создание более эмоциональное. Хемингуэй, например, говорил, что мужчина не может думать о любви день и ночь, как женщина...

— Женщина тоже не может. Целый день о любви думают мальчики

ренции, фестивали, без этого сегодня трудно ориентироваться в драматургии и женском движении. Считаю поездки деловыми, туризм все-таки — радость пенсионеров. Ну и шмотки, конечно, там легче покупать. У нас все-таки и маленький выбор, и цены вздуты.

— А для вас это много значит? Как одевать, какие цены...

— Я не Эллочка-людоедка, чтобы покупать вещи потому, что на них этикетка модного дома одежды. Туалеты меня не слишком занимают.

— А проблема доходов, невыплаты зарплат, распределения семейного бюджета?

— Для меня рынок никогда не был особой новостью. Моя профессия писатель, в ней и в застои господствовали рыночные отношения. В девятую третьем году из богатого, как мне тогда казалось, драматурга, у которого пьеса идет в десяти театрах, я превратилась в человека без денег и без профессии. А сыновья учились в дорогом лицее, и мне пришлось быстро похоронить амбиции и осваивать другие профессии. Поскольку я никогда не считала, что государство должно меня обеспечить за то, что я такая хорошая, или за то, что у меня сыновья-близнецы, мне непонятны люди, которые жалуются на невыплату.

Мне не этих людей жалко, а их детей. Если у тебя дети голодные — как ты можешь выяснять месячными отношения с администрацией? У нас на стройках одни иностранцы работают, в совхозы завозят корейцев работать! Наши на такие деньги и на такие условия не соглашаются, а бастовать, голодать в знак протеста — сколько угодно. Моя логика примитивная: в день зарплаты не заплатили — значит, на следующий день подавай в суд, а еще на следующий — ищи способ заработать. Вози куртки из Турции или расти картошку в деревне.

— Или на панель?

— Для панели я старовата. Или, лучше сказать, слишком разборчива. Но в принципе я сторонник легальной проституции. Я за публичные дома для обоих полов — как на Западе. Воспользуюсь я или не воспользуюсь сексуальными услугами молодого мальчика за деньги — это мое личное дело. Я не понимаю, почему общество решает, что мужчинам такие услуги нужны, а женщинам — нет. Решение сексуальной проблем — это тоже государственная политика, это деньги, которые казне не придется тратить потом на онкологию, психиатрию, на борьбу с криминогеном. Конечно, лучше, когда все живут в браке в сексуальной и душевной гармонии. Однако высокий спрос на секс за деньги подтверждает, что пока не получается. И ни одно государство не имеет права решать за человека, где у него должна быть сексуальная жизнь: дома, на работе или на панели, если она происходит по взаимному согласию.

— Ну что, Маша, история повторяется? Мужики от нас будут шархаться, как от тургеневской эмансипе мадам Кукшиной, домохозяйки разгневаются. Вы мягче, уклончивее высказываетесь не можете?

— Говорить правду — оптимальная стратегия человека, который хочет сохранить себя как личность. А что касается мужиков и домохозяек, то у меня с ними очень цивилизованные отношения, и те и другие понимают, что я призываю в конечном счете защищать их права.

Вела беседу
Ольга БОГУСЛАВСКАЯ.
Фото Виктора ГОРЯЧЕВА.

18.07.97